

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

УДК 821.521

ВАДА КИИТИРО

НА УКРАИНУ С ЕРОШЕНКО (Окончание. Начало в №№ 1 (11) – 2 (12) за 2016 г.)

14

Отца дома не было, но вскоре он вернулся, и вся семья собралась за праздничным столом. Ерошенко мастерски рассказывал им о своей кочевой жизни за эти восемь лет, о том, как он был в Германии, Англии, Индии, Японии, Китае и в других странах¹. Но больше всего он удивил и обрадовал всю семью, когда в заключение рассказал им о том, как он стал преподавателем в Пекинском университете. Потом все по нескольку раз спрашивали, уточняя: «Неужели это все – правда?»

Я же в свою очередь, не без преувеличения, рассказал им о том, что в Японии издан сборник его поэтических² произведений, что многие молодые японцы – поклонники его таланта. Тогда его пожилые родители, слушая меня, переглянулись, и их лица засветились от счастья, что их сын добился таких успехов в жизни. А младшая сестра даже вскочила с места от радости, куда-то сбегала и принесла маленькую деревянную коробку, из которой вытаскила старый, порванный и выцветший журнал, и сказала мне:

– Это литературный журнал, который выписывал Василий из Москвы, когда я была ребенком. Здесь напечатаны рассказы Андреева и Горького. Я их читала вслух каждый день. Для меня это сейчас воспоминания о счастливом детстве³.

Тем временем в дом один за другим приходили односельчане-знакомые, и собралось столько народа, что в маленькой комнате стало тесно. В полумраке комнаты при свете керосиновой лампы казалось, что эти люди пришли сюда на собрание для обсуждения важных дел: так внимательно все слушали Ерошенко, устремив на него взгляды. Находясь в центре внимания, Ерошенко, в легком возбуждении, рассказывал об обычаях и традициях разных стран.

Добропорядочные и простодушные крестьяне сидели, будто замороженные, и слушали его, забыв о реальном мире. А когда Ерошенко упоминал, что в село впервые приехал японец, все устремляли свои взгляды на меня, сверля меня глазами. Мне стало неловко, я встал и вместе с его младшим братом Колей⁴ – прямым и добродушным парнем – пошел в сени. Он зажег свечу, и мы с ним стали разговаривать.

– Почему ты не учишься?

¹ В перечислении страны указаны в произвольном порядке.

² Большинство текстов В.Я. Ерошенко – проза или ритмическая проза. В настоящее время известны 4–5 его строфических стихотворений на языке эсперанто.

³ Речь идет о Нине Ерошенко, 1902 г. рождения, и ее детстве до весны 1914 г., когда Василий Ерошенко уехал в Японию. Василий с 1899 г. учился в Москве и лишь весной 1908 г. окончил школу Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей, то есть общаться они могли где-то в 1908–1914 гг. во время приездов Василия в Обуховку. Журнал мог быть «Нивой», «Знанием» или еще каким-то – Горький и Андреев сотрудничали широко и многообразно.

⁴ В семье Ерошенко было три выживших сына: Александр, Василий и Иван. Иван был седьмым ребенком. Поэтому младший брат Василия Коля, похоже, авторский вымысел. Все характеристики, которыми наделен «Коля» в тексте, биограф В.Я. Ерошенко Итиро Такасуги в своих книгах переносит на Ивана.

– Не люблю я учиться. Мне по нраву крестьянствовать, – признался он, вздохматив на голове длинные волосы. Это выглядело так естественно, типично по-украински и наполняло его природным очарованием.

После окончания начальной сельской школы, Коля поехал в Киев, столицу Украины, к своей старшей сестре, которая училась в медицинском институте⁵. Там он пошел в среднюю школу. Он был самым младшим в семье⁶, поэтому был избалованным ребенком, учиться не хотел и ежедневно затевал драки. В конце концов терпение сестры лопнуло, и она отправила его назад к родителям. Природа одарила его крепким здоровьем, что и требуется для крестьянского труда.

Среди молодых крестьянских парней он выделялся своей силой, поэтому местные девушки были к нему очень расположены и в конце концов Коля нашел свое счастье в простой жизни здесь, а не в учебе. Он с радостью рассказал мне, что скоро женится на девушке, которую любит, а затем грустно поделился со мной, что в родном доме для них места нет, поэтому после женитьбы ему надо будет строить свой маленький домик. А поскольку семья у них бедная, денег на строительство нет.

Дом, в котором живет семья Ерошенко, – это убогая однокомнатная маленькая лачуга, крытая соломой. В хозяйстве у них была только лошадь и корова. А до революции это было самое зажиточное семейство в селе: у них были обширные пахотные угодья, много лошадей и коров⁷. Из торговли они держали винную лавку⁸, которая приносила им значительную прибыль, и это позволяло им жить, ни в чем не зная нужды. Но после революции у них все конфисковали. Кроме того, к их несчастью, случился пожар и дом сгорел.

Вспоминая прошлую зажиточную жизнь, старушка-мать Ерошенко иногда жаловалась даже мне:

– Землю отобрали... Дом сгорел... О Господи!.. А в Москве-то есть богатые люди?.. А как там у вас, в Японии?..⁹

⁵ С 1919 г. столицей Украинской Социалистической Советской Республики, в противовес Киеву – столице Украинской Народной Республики – был Харьков. Так было до 1934 г., то есть и в описываемое в тексте время в августе 1922 г., и в момент публикации в 1925 г. С 25 июня по 12 декабря 1919 г. существовала Харьковская область Вооруженных сил Юга России, созданная после занятия Харькова Добровольческими войсками. Включала в себя территорию Харьковской, Екатеринославской, (с июня 1919 г.), Курской, Орловской (с конца сентября 1919 г.), Полтавской (с июля до 4 октября 1919 г.), северной части Таврической губернии, частично Киевской и Черниговской губерний, а также южный фрагмент Тульской губернии (в октябре 1919 г.), главноначальствующий – генерал-лейтенант Г.З. Май-Маевский. Появление в тексте локализации «Киев» указывает на то, что японский автор или его редакторы использовали, вероятно, более раннюю справочную литературу. Далее речь идет, по-видимому, о самой старшей дочери, втором ребенке в семье – Неониле Яковлевне Ерошенко (2.10.1887 ст.ст. – 1972), о которой известно, что она училась в фельдшерской школе в Москве и затем в медицинском институте в Харькове, в дальнейшем была фельдшером в г. Холодная Балка и Макеевка на Донбассе. Похоронена в Обуховке рядом с родителями и братом Василием. Таким образом в Харькове учились Александр, Неонила, Мария, Иван Ерошенко. Мария Ерошенко (Безуглая) в Харькове похоронена.

⁶ Следует понимать как «самым младшим сыном»: Иван родился 23 февраля 1901 г. ст.ст., из выживших детей самая младшая – дочь Антонина, Нина (04.08.1902 ст.ст.). Об Иване известно меньше всего: учился в Харькове на геолога (?), был женат, имел двух дочерей, затем около двух лет отсидел в тюрьме за неуплату алиментов (?).

⁷ В 1912 г. торговец Яков Васильевич Ерошенко, из дворовых крестьян, приобрел у дворянки Марии Ивановны Бабаниной земельные участки в 27 десятин 1831 сажень, дачу Кобылиной при с. Готовье. Всего по реестру за ним числилось усадебное место в 3 десятины земли и два участка удобной земли – распахной и огородной, итого – 27,8 десятин. Земля была сдана в аренду по 1916 г. В Обуховке у Якова Васильевича Ерошенко был дом у базарной площади и усадебное место в 3,5 десятины земли. То есть в целом только земли было около 34 га. В 1911 г. в семейном хозяйстве были 2 рабочих лошади, корова, подтелок (бычок), 6 свиней.

⁸ Чаще упоминают о мелочной или бакалейной лавке, где крестьяне покупали крупчатку – муку для широко известных обуховских бубликов. Установить подробности все еще сложно.

⁹ Интересно сравнить с оригиналом текста Вада Киитиро его советскую интерпретацию, данную эсперантистом Александром Харьковским в «художественно-документальной повести» «Человек, увидевший мир» (М.: Наука, 1978): «Новая жизнь постепенно приходила и в его родную дерев-

15

В этот вечер я пошел погулять на улицу вместе с Колей. Мы зашли в гости к его бывшему учителю начальной школы, который живет в этой деревне. Коля представил меня ему как японского социалиста. Его жена была пожилой женщиной, весь облик которой говорил о том, что она супруга сельского учителя. Со мной она была очень приветлива и любезно поставила перед нами самовар. Учитель, не скрывая удивления, расспросил меня сначала о национальных традициях Японии, а потом стал сам рассказывать о том, как они живут в настоящее время.

В этих краях в 1919 г. шли ожесточенные бои между белогвардейской армией Деникина и Красной армией¹⁰. Здесь же беспредельно мародерствовали, грабили и насиловали население конные банды анархиста Нестора Махно¹¹, о котором я слышал от Осуги Сакаэ¹². Земли были разорены, везде было запустение и крайний голод. Вскоре была установлена власть большевиков. Прошло всего лишь полтора года с тех пор, как жизнь стала нормализоваться. Но люди все еще живут в страхе и не пускают детей в школу, – жаловался мне учитель.

ню. И он всей душой тянулся к этому новому. /.../ А между тем по Обуховке распространился слух, что пришли туда слепой и «ходя». Эта новость взбудоражила все население: крестьяне шли в дом Ерошенко, чтобы послушать своего односельчанина, который – подумать только, слепой! – объездил чуть ли не полмира. /.../ Однажды, когда гости разошлись, Иван, младший брат, начал разговор о том, что вот, мол, семья их не живет уже так, как раньше, отец лишился и лавки, и лошадей. Ерошенко резко его оборвал. Он был доволен, что Советская власть не посчитала его семью кулацкой, сохранила им и дом, и огород. Старшая сестра Пелагея работала в селе врачом, а младшая Мария – учительницей. За это семью Ерошенко уважали». По воспоминаниям односельчан и родных, семью в 1928–29 гг. раскулачили, а от высылки они спаслась, живя поочередно у сыновей Александра и Ивана в разных местах страны, затем родители и Пелагея Ерошенко вернулись в Обуховку.

¹⁰ Речь идет о «Московском походе Вооруженных сил Юга России» 3 июля – 18 ноября 1919 г. – наступлении белогвардейцев под командованием А.И. Деникина в стремлении взять Москву и последующем поражении от частей Рабоче-крестьянской красной армии. 23–24 августа войска ВСЮР взяли Одессу, 31 августа — Киев. В течение 12 сентября – 19 октября план Деникина осуществлялся с исключительным успехом. На центральном направлении 17 сентября пали Сумы, Обоянь, Старый Оскол, 20–21 сентября добровольцы овладели Курском, 24 сентября пали Фатеж и Рильск. Но с середины октября 1919 г. положение белых армий Юга заметно ухудшилось. Тылы ВСЮР были разрушены рейдами повстанческой армии Махно по Центральной Украине, Донбассу, Приазовью, против махновцев пришлось снимать войска с фронта, а большевики сумели заключить перемирие с поляками и с украинцами, высвободив силы для борьбы с Деникиным. 11 октября численно превосходящие силы красных, усиленные войсками латышских, эстонских и китайских национальных частей, перешли в наступление на орловско-курском направлении. Первоначально необычайно ожесточенные бои в целом клонились к победе белых, и к исходу второй декады октября добровольцы занимали линию Новгород-Северский – Дмитровск – Орёл – Новосиль – южнее Ельца – Дон. Но, к этому времени наступление их всюду захлебнулось, а на линии Севск – Дмитровск – Кромы – Орёл они с трудом отбивали натиск противника. Зимой 1919–1920 гг. деникинские войска оставили Харьков, Киев, Донбасс.

¹¹ Революционная повстанческая армия Украины – вооружённые повстанческие формирования во время гражданской войны, действовавшие на юго-востоке Украины с 21 июля 1918 по 28 августа 1921 г. под лозунгами анархизма. После взятия Крыма силы Красной Армии были брошены на уничтожение махновцев. Почти год Махно уходил от преследования, совершая рейды по юго-восточной Украине и южной части РСФСР. В последний раз армия Нестора Махно прошла по Белгородчине с 22 по 28 января 1921 г. Больше всего пострадала Короча, затем мимо Нового Оскола, Валюк на Ровеньки. 18 июня 1921 г. под Недригайловом армия Махно потерпела окончательное поражение от красных. К концу лета 1921 г. махновцы перестали существовать как организованная сила. Сам Махно ушел с семьей и небольшим вооруженным отрядом повстанцев в Румынию.

¹² Осуги Сакаэ (1885–1923) – японский анархист и социалист, эсперантист, близкий знакомый Василия Ерошенко в Японии. В 1906 г. основал школу эсперанто в Токио. В 1923 г. за участие в праздновании дня 1-го Мая в Париже был арестован на 3 недели и выслан в Японию. Был арестован в Токио и забит до смерти жандармами вместе с сожительницей и партнёром Ито Ноэ и шестилетним племянником. Впоследствии эти события стали известны как Инцидент в Амакасу. Сакаэ Осуги написал ряд книг и статей, перевёл эти японский язык несколько работ Петра Кропоткина.

– Я учу детей петь новый гимн «Интернационал»¹³. А в селе родители очень набожны и кроме «Боже, царя храни...» не разрешают детям петь новые песни. Что тут поделаешь? Зарплату не платят уже четыре месяца, поэтому приходится серьезно думать только о том, чем кормить семью.

Он, не стесняясь в выражениях, высказывал свое недовольство. Говорил о том, что в Советской России надо непременно заботиться о преподавателях начальных школ, которые являются вторыми после семьи воспитателями в государстве. Мне было приятно разговаривать, ничего не скрывая. Мы ушли от учителя уже на рассвете. Старики-супруги любезно пригласили нас к себе в гости еще раз.

Когда мы вернулись домой, Ерошенко нерешительно сказал мне:

– Вада-сан, у нас в доме только две кровати...

Ерошенко было неловко говорить об этом, и он пробормотал это смущенно, словно обиженный.

– Ничего страшного, меня устроит любое место, – ответил я, видя его замешательство. Мне было его жаль.

– Ты уж извини. Ну, тут вот так...

– Ничего, не переживай за меня.

Мне стало интересно, где же он предложит мне лечь спать.

– Извини, конечно... Вот... можешь лечь спать вон там, – сказал Ерошенко, указывая мне на конюшню.

Вообще-то меня трудно удивить, но тут я был поражен. Ничего не поделаешь, выбора не было.

В конюшне стояла телега, я положил на нее соломы и сена, сверху постелил пальто и лег. Я взглянул на небо – августовская луна светила ярко, и на небе не было ни облачка. Бескрайний синий небосвод раскинулся высоко-высоко у меня над головой.

Хоть это была и конюшня, и ночная роса покрыла мое лицо, но неприятного ощущения не было. Ночью рядом со мной кто-то сильно задышал и фыркнул, я открыл глаза – это была лошадь. Она была крайне удивлена своему новому соседу и подошла поближе разглядеть меня.

16

Утром следующего дня меня решили отправить на бывшую дворянскую дачу, которая находилась на расстоянии нескольких километров от деревни, так как в доме Ерошенко всем нам было тесно. Вокруг дачи был яблоневый сад. Когда-то на этой даче жила семья дворянина. Коля снарядил телегу, и мы отправились вместе с ним. Медленно покачиваясь в телеге, мы ехали через неприветливый и угрюмый сосновый лес по окольной дороге, мокрой от обильной росы.

– Здесь недавно видели волков. Они загрызли одного из игравших здесь детей. Его мать от горя сошла с ума, и каждый день приходит сюда плакать. Похоже, сегодня ее нет, – сказал Коля, оглядываясь по сторонам.

– Здесь так много волков? – переспросил я у Коли. Мне стало немного не по себе.

– Каждый год наши деревенские мужики охотятся на волков, поэтому их немного. Но иногда они появляются здесь. В основном они таскают наших деревенских кур.

Около часа мы ехали по лесу, вскоре сосны исчезли, и мы выехали на равнину. На этом бескрайнем просторе цвели желтые подсолнухи, протянув свои макушки к утреннему солнцу. Какой это все-таки красивый край! Я не мог понять, зачем здесь выращивают так много подсолнухов, и спросил у Коли. Он слез с телеги, сорвал один подсолнух, который был ростом выше его, разломил его на две части и протянул мне половину, чтобы я попробовал семечек. И объяснил мне, что из семечек делают масло.

Я взял протянутый мне подсолнух и тут же вспомнил, что русские, особенно женщины и дети, с удовольствием едят семечки. Их продают везде. Это как арахис для японцев.

Мы немного прошли по полю. Дошли почти до середины. Я обратил внимание на холмик, где росла трава. Здесь явно было что-то зарыто.

¹³ С 1918 г. «Интернационал» – официальный гимн РСФСР, с образованием в 1922 г. СССР – гимн СССР.

– Три года назад наши деревенские крестьяне убили здесь коммуниста. Здесь его и закопали. Если бы про это стало известно, всех бы арестовали и наказали, – сказал Коля громко, указывая пальцем на место захоронения.

Не только семья Ерошенко, но и почти все деревенские – антибольшевики¹⁴. Как рассказал Коля, сын у одного деревенского крестьянина был коммунистом. Три года назад в дождливую ночь его притащили сюда и жестоко расправились с ним.

От удивления я широко открыл глаза и смотрел на этот заросший травой холмик. Какой же народ неразумный! И ты – несчастный молодой гуманист! Кто знает, сколько еще десятков тысяч таких, как ты, в России? Я склонил голову и незаметно для Коли поклонился его могиле. Мы молча сели на телегу, и она дальше затряслась по дороге.

– Ты не любишь коммунистов? – намеренно спросил я у Коли.

– Я их ненавижу, – ответил он пренебрежительно и с самодовольным видом продолжил:

– Было это весной этого года. Приехали два коммуниста из Харькова. Они собирались забрать из деревенской церкви церковную утварь. Говорили, что из украинских церквей они соберут всю утварь и продадут ее за границей, чтобы спасти голодающих Поволжья¹⁵.

¹⁴ Известно, что в Обуховке очень долго не могли организовать колхоз. Из повести Евгения Бельих «Частичка Родины», редакция 1960 г.: «В слободе Обуховке коллективизация приняла своеобразный затяжной характер. В созданный в 1929 г. колхоз «Мировой Октябрь» вошли жители Обуховки и расположенных в живописной местности за речкой двух деревень – Бабанинки и Готовье. Несколько раз колхоз распадался под влиянием агитации кулаков-шovinистов: «Зачем, дескать, согнали в один колхоз москалей-бабанинцев и хохлов-обуховцев?» Наиболее зажиточные обуховцы, сбитые с толку кулаками, выставляли требование не мешать им заниматься индивидуальными кустарными промыслами и торговлей. Они угрожали при этом «поручить свое хозяйство, чтобы не досталось колхозу». Бывали случаи, что и бедняки поддавались кулацкой агитации. Они продавали за бесценок свое имущество, забивали скот и покидали Обуховку. Хищнически было уничтожено в слободе 50 лошадей, 102 коровы, много семян и сельскохозяйственного инвентаря. Около трех лет представители коммунистической партии вели в Обуховке кропотливую трудную работу среди населения. В 1932 г. возникли на территории Обуховского сельсовета 3 колхоза: «Мировой Октябрь» в Обуховке, «Пролетарий» в Бабанинке, «Имени Седьмого съезда партии» в Готовье. Это уже после перегибов и преодоления гигантомании в колхозном строительстве. Первым председателем Обуховского разукрупненного колхоза стал бывший конюх коммунист Науменко Дмитрий Иванович. /.../ Так как на посту председателя сельсовета т. Науменко укреплял все три колхоза, то против него объединились антиколхозные элементы всех трех населенных пунктов. К этому времени около половины населения на территории сельсовета не было объединено в колхозах. Среди этой части и развернули свою работу антиколхозные элементы. /.../ Оставшиеся в Обуховке антиколхозные элементы – кожевники Ляховы, Скрипкины, Макаричевы, Гуловы, Красновы, выступили с различными видами саботажа против советской власти и колхозов: имели место поджоги колхозных построек, организованный отказ платить налоги, расклеивание листовок с пророчеством о «скорой гибели Советской власти» и различными запугиваниями колхозников. В Обуховку понаехали отряды милиции, представители ОГПУ, Политотделов и Райкома партии. Принудительному закрытию подверглись 20 кожевенных заводов, много промышленных кузниц. Все реже и реже собирались обуховские ярмарки, закрывались одна за другой частные лавки, мельницы, маслобойки и крупорушки. Обозы с конфискованным кулацким имуществом катились и катились в Старый Оскол. Ежедневно сельсовет аукцион распродал кулацкое добро. Разгромленные кулаки ночами бежали в Донбасс и другие края».

¹⁵ Речь идет об изъятии церковных ценностей в марте-мае 1922 г. Акты изъятия ценностей по с. Городище, тогда Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в архивах Белгородской, Воронежской и Курской областей отыскать не удалось. По Старооскольскому уезду изъятие ценностей происходило с 14 по 20 марта 1922 г. В Петропавловской церкви слободы Обуховка, согласно рукописному протоколу, были сначала изъяты: 1 серебряная дарохранительница, 2 серебряных креста, 1 Евангелие в серебряной оправе, 1 дискос, 1 звезда и 2 ложки серебряные, 1 дароносица серебряная, 2 серебряных тарелочки, 1 серебряный ковшик, 2 серебряных кадила. По итоговому протоколу заседаний Подкомиссии по изъятию культурных ценностей от 19 мая 1922 года, «по просьбе группы верующих, оставлены вещи следующие: чаша с прибором, ковшик, тарелочка, крест напрестольный, дарохранительница, дароносица, общий вес 8 фунтов». Изъято было всего 6 предметов общим весом 5 фунтов 53 золотника серебра, которые были отправлены в Старооскольский уездный финотдел. Таким образом, уполномоченные должны были приезжать из губернского Курска. Выявить документальные подтверждения крестьянским бунтам и сопротивлению реквизиции ценностей по селам Обуховка и Городище не удалось.

Они хотели все отобрать силой. Тогда я вместе со священником принялся звонить в колокола. Со всей деревни сбежались крестьяне, вооружившись косами и оглоблями. Собралось много мужиков. Как и следовало ожидать, коммунисты перепугались и сбежали из деревни. Они заодно с евреями. Это набитые дураки, и добра от них не жди.

В 1922 г. советское правительство, в качестве крайней меры для спасения голодающих Поволжья, решило конфисковать часть имущества во всех российских церквях, распорядиться им и создать фонд спасения. По областям и районам были разосланы десятки миллионов листовок, чтобы заручиться поддержкой крестьян. Но сельское население очень религиозно. Оно решительно выступило против, и местами недовольство вылилось в небольшие бунты.

– Большевики – это скоты, которые не верят в Бога. Они просто свиньи! – Коля ругался самыми грязными словами, но через некоторое время наконец-то успокоился.

Я же лишь горько усмехнулся. И мне подумалось, что для реализации коммунистических идей в России потребуется еще много усилий и труда. Таких недовольных и необразованных, как Коля, в России 90 процентов. Потребуется не один десяток лет для искоренения подобных настроений у людей. И это вопрос не теории, а практики.

Пока я молчал, размышляя про себя, Коля незаметно успел сбежать на поле, вернулся с тремя арбузами¹⁶ и сел в телегу.

– Вот и арбузы. Поедим?

По его словам, в этих местах с любого поля бери, что угодно, и никто не возмутится.

17

До места назначения мы с Колей добрались в этот день к вечеру. Когда-то это была дворянская дача, а сейчас она затерялась среди разросшегося яблоневого сада. Мы прошли к старому пруду, вокруг которого все было усыпано засохшей листвой и яблочной падалицей, покрытой белой плесенью. Мы сели на скамейку. Вокруг скамейки и поодаль сплошным ковром цвел лунник. В тишине заброшенного сада вечерние сумерки казались светлее, и слышался только легкий стук падающих перезревших яблок. Свет сияющей на небе луны отражался серебряными бликами на поверхности старого пруда, и от этого сама тишина в саду казалась какой-то необыкновенно таинственной.

– Вада-сан, в этом каменном доме на холме живут две девушки-красавицы из благородных. Давай сходим завтра к ним в гости, – заговорил Коля.

– Жаль этих девушек. Ровно три года назад, когда эти места были заняты войсками Деникина, пьяные молодые офицеры заставляли их танцевать и выпивать с ними. Их родители, видя все это, не могли больше вынести издевательств и осмелились попросить офицеров оставить девушек в покое. А офицеры в пьяном угаре сочли это крайней наглостью и застрелили родителей из револьвера. А после этого надругались над девушками и скрылись отсюда. К сожалению, пережив такое несчастье, старшая сестра, Маруся, сошла с ума. Ей был тогда двадцать один год. Говорят, что она несколько раз пыталась утопиться в пруду, но всякий раз ее спасал верный старый слуга. Сейчас они ни с кем из нашего села не общаются, постоянно сидят дома и каждый день дуэтом играют на пианино грустные мелодии. Вот такая у них сейчас жизнь.

– Да неужели же здесь такое могло случиться? – удивился я, поглядывая то на старый пруд, то на дом наверху холма. – Послушай, революция, должно быть, лишила их всего состояния. Как же они умудряются жить сейчас?

– Ну, продают кольца и свои украшения. Кажется, они уже все распродали и сейчас для них настали трудные дни.

– Откуда же в такой деревне берутся покупатели?

– Их родной дядька живет в Харькове. Наверное, он возит туда на продажу вещи, – пояснил Коля и продолжил, – А недавно был интересный случай. Комиссар нашего уезда, увидев Марусю, был очарован ее красотой и влюбился в нее. И, слушай дальше, он сразу же предложил ей выйти за него замуж. Так поговаривают. А Маруся тут ему говорит, что

¹⁶ В первой половине XX в. в тех местах рос местный сорт крупных сладких арбузов, который сейчас утрачен.

она ненавидит коммунистов. Она наотрез отказала ему. Так ему и надо! Когда я узнал об этом, я ей сказал: «Маруся, ни в коем случае не выходи замуж за жидо-коммунистов». Она мне ответила: «Коля, я уйду в монастырь. Никогда в жизни я не выйду замуж». Она говорила, а по ее лицу слезы текли ручьями. Жалко ее.

– Ну, тогда попробуй ты сделать ей предложение, – решил подшутить я.

Приняв это всерьез, он посмотрел на меня и с удивлением сказал:

– Не забывай, она из дворян. Я ей не ровня.

– Так и ваша семья в деревне до революции была богатой. Тут нет никакой разницы, – продолжил я.

Тут Коля, окончательно разозлившись, сказал:

– Нет, разница большая. Я шуток не люблю!

Я задумался. В голову пришли странные мысли: даже если в Советской России победит диктатура пролетариата, все равно сложившиеся с давних времен отношения между крестьянами и хозяевами-помещиками в таких деревнях сохранятся. Мне кажется, что и в душах таких молодых людей, как Коля, понимание классовых различий очень сильно и останется еще надолго.

Какое-то время мы молчали. И вдруг, откуда ни возьмись, до нас долетели звуки чудесной музыки на пианино, которые проникали через густые заросли яблоневого сада.

Да, это девушки, не выдержав вечерней тишины, сели за пианино и при свете одинокой свечи оплакивали свою горестную судьбу. Для них уже никогда не будет возврата к прежней жизни. Это была музыка, в которой звучали заключительные скорбные аккорды по умирающему общественному классу.

Мы пошли в сторожку в саду. В ней мы решили переночевать. Это был маленький темный сарайчик. Мы настелили соломы и легли спать, укрывшись пальто. Но стопы все равно не помещались в сарайчике. И что было еще хуже – нас атаковали полчища комаров. Сколько мы их не выгоняли из сторожки, они не собирались улетать, и я никак не мог заснуть. Слушая храп Коли, к которому примешивались печальные звуки пианино, я лежал и думал о своей бродячей жизни.

18

На следующий день в полдень мы поехали в гости к Колиному дядьке. Это был старик около 60 лет. Кроме глаз и носа, все его лицо заросло черными волосами, и всем своим видом он очень напоминал медведя. Коля сказал ему, что я вместе с его старшим братом приехал из Москвы к ним в гости. Старик очень обрадовался и своей огромной рукой пожал мне руку. Затем сходил в огород, принес оттуда арбуз и угостил нас.

К моему удивлению, сын у этого старика оказался коммунистом. Сейчас он работает в Москве в ВЧК. Старик очень уважал коммунистов, и все в деревне смотрели на него как на еретика. Колин отец, т.е. отец Василия Ерошенко, приходится этому старику младшим братом¹⁷. Каждый раз при встрече у них завязывается спор, который всегда завершается дракой. Поэтому младший брат практически перестал к нему заглядывать. А на самом деле этот старик оказался очень простым и веселым человеком.

– Ты знаешь, кто это на фотографии? – спросил он у меня, показывая на висящий на стене портрет.

– Это Ленин, – ответил я.

– Ну ты молодчина! – похвалил он меня с восхищением.

– Я каждое утро молюсь не иконам, а Ленину. А наш деревенский батюшка и моя бабушка ругают меня на чем свет стоит. А Богу сколько ни молись, он и куска хлеба тебе не пошлет. А этот Ленян (так он его ласково зовет)¹⁸ нам, крестьянам, дал поровну земли сроком на 20 лет. Вот я ему благодарен и молюсь на него, – старик захохотал от всей души, показывая свой большущий рот.

¹⁷ По метрическим книгам выявлены два брата Якова Васильевича Ерошенко, крестивших его детей – Олимпий и Алексей, подробности о них неизвестны.

¹⁸ Здесь даже через японский язык сохранены и переданы т.н. «якающие» южнорусские (курские) говоры.

– А у вас в деревне, если кто-то не ходит в церковь, батюшка его примечает и устраивает нагоняй? – поинтересовался я.

– Да нет! Если бы батюшка этим занимался, на него бы обратило внимание ВЧК, поэтому все делается здесь втихую, незаметно. Сейчас разрешают только по субботам приходиться в церковь молиться и петь псалмы. Проповеди батюшке не позволяют читать, – сказал старик и напоследок, в насмешку над самим собой, добавил:

– Крестьяне – дураки! Жертвуют деньги церкви.

Коля сидел с недовольным видом, словно хотел что-то возразить, но так ничего и не сказал. Я же думал о том, что этот старик, крестившийся с утра до вечера до революции, смог так сильно измениться не иначе как под влиянием пропаганды своего сына. Такие старики ни за что не станут прислушиваться к тому, что им вбивают в голову коммунисты, приезжающие сюда в деревню. Но если подобное станет говорить родной сын, который побывал на учебе в Москве, то из любви к сыну он поддастся на его уговоры.

Некоторое время мы побыли у старика, потом вернулись в сторожку и стали готовить ужин. Коля вытащил кусок баранины, завернутый в газету, ножом нарезал мясо и репчатый лук, сложил в котелок и добавил туда воды из пруда. Затем взял три круглых полена, поставил их вертикально треногой, повесил котелок, поджег сухую солому и развел огонь.

Когда мы ели суп, заедая его ржаным хлебом, из глубины сада показались две молодые девушки. Обе бледные, с печальным выражением на лице, к тому же на них были белые платья. Свои взгляды они устремили на меня.

– Здравствуйте, Маруся! – вежливо поздоровался Коля.

– А, это вы, Коля, как поживаете? – учтиво спросила одна.

Некоторое время они втроем о чем-то разговаривали. Я же, не зная, как себя вести, повернулся к ним спиной и жевал в одиночку хлеб. Так же внезапно, как они появились, их фигуры исчезли снова в глубине сада.

– Вада-сан, они сказали, что сегодня вечером ждут нас в гости, – сказал Коля.

– Это кто же позвал нас? – спросил я лукаво.

– Маруся, – ответил он серьезно.

19

Вечером, когда у них в окнах засветились лампы, мы поднялись на вершину холма к довольно обветшалому белому дому, построенному из известняка. Впечатление о сестрах, которое у меня сложилось по Колиным рассказам, и по тому, какими печальными они мне показались при недавней встрече, оказалось обманчивым. Сейчас я увидел, что на самом деле они веселые, простодушные и очень живые девушки из благородной семьи.

Они встретили нас очень тепло и проводили на веранду. Обе были красивы, но Маруся – особенно. Я сразу понял, что именно ее красота и привела к глубокой трагедии в семье. Когда она пристально смотрела на меня своими голубыми глазами, я не мог не ощутить ее очарования. При этом она кокетничала, что делало ее еще более привлекательной. С другой стороны, ее младшая сестра производила впечатление утонченного создания с изысканными манерами. Обе с интересом расспрашивали меня о японской музыке и поэзии. Они неплохо знают даже о японских гравюрах «укиё-э». Их увлечения показались мне довольно элегантными, поэтому я с большим удовольствием рассказывал им обо всем. Мне действительно стало жаль, что такие дамы живут в этой деревенской глуши.

– Почему бы вам не уехать в Москву? Здесь ведь скучно?

– Да, скучно. Мы хотели бы уехать в Москву и заняться там музыкой, но у нас нет денег.

– Ну и что, что нет денег. Есть же школы, где учащиеся получают стипендию.

– Мы это отлично знаем. Но мы ведь из бывших дворян, поэтому нынешнее правительство не станет выделять нам стипендию. Нам даже не разрешат работать и учиться в школе, – рассказывали они мне, и в их голосах я слышал одну горечь.

– Но дворянином был ваш отец. А когда он умер, все его имущество и земля были возвращены государству. Тем более что сейчас любого человека следует рассматривать как

выходца из рабочего класса, – попытался я объяснить им, потому что я был действительно хорошо знаком с нынешней ситуацией¹⁹.

– Нет, не совсем так. Мы родились в дворянской семье и в этом наше несчастье. Мы уже окончательно смирились с нашим положением. Как говорят, у каждого своя судьба...

Когда она говорила это, ее голос дрожал и глаза были полны слез. Мне захотелось ее утешить, но я не мог найти подходящих слов и молчал.

– Сестра, неудобно же перед гостем! – сказала ей с укором младшая, грустно улыбувшись.

– Простите меня! В такие моменты становиться так больно на душе, – сказала она, печально улыбувшись.

– Ну, вот теперь уже лучше! – сказал решительно Коля. Все это время он с серьезным видом сидел рядом, скрестив загорелые руки.

– Да, вы правы. Я каждый день молюсь Богу, чтобы он послал нам счастье.

Вот в таком духе текла наша недолгая беседа. Мы собрались уходить. Сестры любезно проводили нас к выходу и попрощались с нами.

– Непременно приходите еще! Вы же знаете, как нам двоим здесь скучно. Заходите к нам в любое время, – серьезно сказала одна из них.

Для двух этих русских девушек, от которых отвернулась судьба, я, несомненно, оказался тем японцем, которому не только можно открыть свою душу, ничего не тая, но с которым можно вообще поговорить по-человечески. Они общались со мной, словно мы были давними знакомыми.

На следующее утро от Ерошенко прибыл посыльный, который сообщил, что нам уже надо уезжать из деревни. Оттого я вернулся в Городище, и случая увидеться с девушками у меня больше не было. Когда мы уезжали из деревни, из окна второго этажа девушки помахали нам платками на прощанье. Их фигуры до сих пор стоят у меня перед глазами.

В России я пробыл пять лет, видел разных женщин, но память о встрече с этими двумя сестрами до сих пор живет глубоко в моем сердце.

Вечером я уже был снова в доме Ерошенко. А утром следующего дня я один отправился на станцию Старый Оскол. Ради меня отец Ерошенко бережно вынес икону, перекрестил меня на дорогу и пожелал мне счастливого пути. Стоявший рядом Ерошенко, слыша все это, изобразил на лице натянутую улыбку.

(10 августа 1925 г.)

Перевод с японского С.И. Аникеева
Примечания Ю.В. Патлань

¹⁹ На самом деле ситуация не была такой идиллической и традиционно-незыблемой, как казалось Вада Киитиро. Уже с 1918 г. в различных местностях России начались стихийные захваты крестьянами земли и погромы помещичьих усадеб. Официальная кампания по выселению бывших помещиков проводилась с марта 1925 г. до конца 1927 г., но фактически она началась на местах уже в конце 1923 г., когда в ходе постановки на учет бывших владельцев выселяли из их прежних имений, а закончилась в 1928 г., а в отдельных губерниях – только в 1929 г. 20 марта 1925 г. было опубликовано Постановление Президиума ЦИК и СНК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». Постановление распространялось на помещиков из дворян. У них конфисковывали имущество, за исключением урожая. Принятая инструкция по выселению 20 июня 1925 г. была оформлена в виде Декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации их имущественных отношений». 22 июня и 28 июня 1925 г. документы появились в печати. Таким образом, до окончательного слома старой системы помещичьего имущественного и земельного владения оставалось недолго.